

Н. В. Федорова
СЕВЕРНЫЙ ШИРОТНЫЙ ХОД В XI–XV вв.:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

УДК 902(571.1)

ББК 63.444(253.3)

В статье обосновывается постановка проблемы становления и функционирования Северного широтного хода как системы торговых коммуникаций, проходящих по северу Восточной Европы и Западной Сибири, оценки его влияния на культуру западносибирского населения в XI–XV вв. Рассматривается история изучения торговых путей средневековья и выявляются письменные источники, позволяющие говорить о сухопутных и морских коммуникациях Северного широтного хода, о функционировании в зоне его действия особых торговых мест. Отмечаются районы бытования западносибирских артефактов на северо-востоке Европы, что подтверждает присутствие там населения из Нижнего Приобья. Анализируются различные категории импортных вещей, приводится характеристика западносибирских кладов XI–XV вв., исследуются новые явления в экономике и культуре. На основании чего делаются выводы о частичной смене ценностей в мире средневековых цивилизаций под влиянием торговли с Севером, а также о преодолении относительной изоляции культур и народов севера Западной Сибири и северо-востока Европы.

Ключевые слова: *Северный широтный ход, Западная Сибирь, северо-восток Европы, торговля, клады, новшества в экономике*

Поезжай с моими сыновьями в другое
 царство продавать шкуры.
Хантыйская сказка¹

Развитие культуры происходит через расширение пространства ее ойкумены и взаимодействие с другими культурами. Взгляд на мир как на «собрание общностей, очень тесно связанных и активно контактирующих между собой в сфере экономики, идеологии и во многих других отношениях»,² представляется наиболее верным. Активные контакты различных культур происходят благодаря действию многих факторов: миграциям, взаимообмену между соседними культурами, функционированию торговых путей, которые, пожалуй, в наибольшей степени способствуют расширению пространства культур.

Торговые пути Евразийского континента исследовались с различных точек зрения и с различной степенью подробности. Лучше

всего изучены такие магистрали древности и средневековья, как Великий шелковый путь;³ Волжский путь, который называют еще «меховым»; путь «из варяг в греки». Специальные исследования проводились в 1989–1991 гг. вдоль торгового пути из Булгара в Киев.⁴

Отметим три основные области взаимодействия культур в результате становления и расширения торговых связей. Во-первых, насыщение пространства культур-участниц взаимодействия импортными товарами и их распределение; во-вторых, сближение различных культур, появление новшеств в экономическом развитии; в-третьих, «импорт идей», т. е. расширение мировоззрения носителей культур, появление у них новых технологий, знаний и даже сюжетов в изобразительном искусстве.

Импортные товары в пространстве культур-участниц торговых операций обычно делят на две категории — массовый импорт и драгоценные предметы. Пожалуй, наиболее подробно они проанализированы В. П. Даркевичем в монографии «Художественный металл Востока». Исследователь описывает различные категории импортных вещей, четко

¹ «Камень-семпыр»: Хантыйские сказки из собрания Вольфганга Штейница / пер. с немецкого Н. В. Лукиной. Томск, 2014. С. 16.

² Козырева Н. В. Взаимодействие этнических групп в ранней истории Месопотамии // ВДИ. 2011. № 3. С. 3–29.

³ О понимании важности этого пути для мировой культуры свидетельствует, в частности проведенная ЮНЕСКО в самом начале 1990-х гг. масштабная акция «Шелковый путь — путь диалога», в которой участвовали представители 23 стран, в том числе СССР (до его распада).

⁴ См.: Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

разделяя так называемый массовый импорт и предметы роскоши. Первая категория, по его мнению, наиболее важна для изучения экономических связей, вторая — свидетельствует об установлении международных контактов, поскольку является в отдельных случаях посольскими дарами.⁵

Рассматривая клады Восточной Европы и Предуралья, В. П. Даркевич приходит к важному выводу в контексте появления новшеств в экономике культур-участниц взаимодействия на торговых путях. Он отмечает, что клады импортной утвари в основном «сосредоточены у торгово-ремесленных поселений в районах волоков, где местное население извлекало доход из перевозки грузов».⁶

Йенс Шнеевайс в статье, посвященной внутреннему обеспечению и обмену в сельских поселениях вдоль восточного пути викингов, также отмечает новшества в местной экономике, связанные с их участием в торговле: «Благодаря контактам “приезжих” с местным населением образ хозяйства последних значительно изменился. Вместе со становлением инфраструктуры торговых путей, скорее всего, стали иметь важное значение факторы, которые были направлены, с одной стороны, на обеспечение торговцев и их поселений, а с другой — на возникновение спроса на предметы торговли. Таким образом, развивался внутренний рынок в регионе».⁷

О своеобразном «импорте идей» пишет В. Г. Луконин: по торговым путям «путешествовали ученые и пророки, писатели и воины... шел обмен не только (быть может даже не столько) товаров. Но и идей».⁸ К такому же выводу приходит, анализируя деятельность торговой фактории в средневековой Кафе в XIII–XV вв., А. Г. Еманов: «В любом случае, деятельность торговых людей — из “греков” ли, или из “варягов” — была служением некоему общему идеалу, содействием процветанию. С ними по тем же путям распространялись новые знания, достижения в технике и культуре».⁹

Все сказанное выше относится к функционалу торговых путей, связывающих в основном центры древних и средневековых цивилизаций Европы и Азии (Великий шелковый путь), а также государства и народы Восточной Европы и европейского северо-запада с Ближним Востоком и Причерноморьем (путь «из варяг в греки», Волжский путь). Торговые пути северного вектора до настоящего времени изучались либо под рубрикой фантазийных путешествий «к морю мраков», либо, в лучшем случае, как некое ответвление торговых путей, идущих в Восточную Европу и в Предуралье. «Купцы чulyманские, т. е. камские, в XII–XIV вв. ведут активную торговлю не только с Поволжьем, но и со “Странами Севера”, Зауральем...»¹⁰ — именно так, в самом общем смысле говорится о северном векторе торговых путей. Пресловутым «странам Севера», как правило, отказывают в культурной самостоятельности: они рассматриваются лишь как безликий источник драгоценных мехов. «Средневековое общество, во многом благодаря тем самым “варягам”, проложившим путь в “греки” (курсив мой — Н. Ф.), открыло исключительную ценность мехов и придало им возможность символически выражать особое благородство, отмечать военную доблесть и вообще принадлежность к той или иной элитарной группе, разработав этикетные принципы использования мехов в одеяниях, в тогдашней моде вообще, в аристократической эмблематике и геральдике», — отмечает А. Г. Еманов.¹¹ В научной и популярной литературе тиражируются пассажи о так называемой «немой торговле», о которой сообщают арабоязычные писатели: «Со слов очевидцев арабские географы детально рассказали о стране “дикого народа Йура”, о “немой” торговле с ее обитателями».¹² О несоответствии этого термина реалиям западносибирского средневековья мне уже доводилось писать.¹³

Торговые пути, которые можно обобщенно назвать «Северным широтным ходом» и которые необходимо рассматривать как сложную систему коммуникаций, проходивших по северу Европы и Предуралья в Западную Сибирь,

⁵ См.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. С. 143.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Шнеевайс Й. Обеспечение и обмен в сельских поселениях и ранних городских центрах вдоль восточного пути викингов // Тезисы IV Междунар. сев. археол. конгр. В печати.

⁸ Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987. С. 103.

⁹ Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995. С. 64.

¹⁰ Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. С. 7.

¹¹ Еманов А. Г. Указ. соч. С. 20.

¹² Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976. С. 78.

¹³ См.: Федорова Н. В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4(12). С. 91–101.

вывели эти районы на просторы средневекового Евразийского мира. Они пока еще не рассматривались в целом, как некое глобальное явление, т. е. система широких зонных коммуникаций, включающая в себя сухопутные и водные пути, ответвления от магистралей, точки «перевала» товаров, а также ярмарки, или «торговые места».¹⁴

Задачей данной работы является постановка проблемы формирования и функционирования Северного широтного хода как системы, оценка его значения для народов (культур) севера Западной Сибири эпохи средневековья.

В статье рассматривается отрезок Северного широтного хода, функционирование которого охватывало территорию севера Западной Сибири на востоке и северо-восточной Европы на западе, с ответвлениями в Предуралье. Именно там наиболее ярко обозначаются связи с Зауральем, именно там обнаружены археологические памятники, которые ныне трактуются как торговые фактории,¹⁵ а также многочисленные клады, по-видимому, имеющие непосредственную связь с торговыми операциями. Хронологические рамки исследования X–XV вв., период окончательного оформления и активного функционирования Северного широтного хода.

До сих пор восточная часть северных торговых путей изучалась и описывалась практически исключительно в контексте новгородской экспансии. Авторы «Истории Ямала» пишут: «Именно новгородцы проложили первые пути на Урал и далее в Сибирь»¹⁶ (курсив мой — Н. Ф.). Априори предполагается, что те, к кому новгородцы эти пути «проложили», являлись лишь «принимающей стороной», от которой в принципе ничего не зависело. Более того, авторы утверждают: «Московское княжество... унаследовало и колонизационный порыв Новгорода на северо-восток, и ту коммуникационную инфраструктуру, которая была создана новгородцами во второй половине XV века и обеспечивала продвижение славян за Урал и мобилизацию пушных ресурсов «полуночных стран»¹⁷ (курсив мой — Н. Ф.). Здесь срабатывает устоявшийся стереотип: русские

«открыли» север Западной Сибири «цивилизированному миру». Однако, как будет показано ниже, пути по северу Европы в Западную Сибирь (или из Западной Сибири в Европу) сформировались задолго до XV в. и не были проложены новгородцами: они просто активно ими (как, впрочем, и викингами, а позже — поморами) использовались.

Есть три группы письменных источников, из которых можно при пристальном рассмотрении вычленировать сведения о том, как происходило «освоение», а вернее, использование северных торговых путей. Это весьма многочисленные сведения арабоязычных писателей, русские летописи и скандинавский биармийский цикл.¹⁸ Не будем останавливаться в статье на том, что А. Плигузов определил как «разворачивание цветного шатра легендарно-утопической географии»,¹⁹ обратим внимание лишь на некоторые факты, оставшиеся не замеченными современными исследователями.

Во-первых, отчетливо прослеживается использование как сухопутных, так и морских путей в рамках Северного широтного хода. Морем путешествовали викинги в легендарную страну Биармию;²⁰ позже — поморы и некоторые западноевропейские мореплаватели.²¹ Новгородские дружины использовали сухопутные пути по Северу, о чем повествуют русские летописи.

Во-вторых, в источниках упоминаются специальные торговые места (торжища, ярмар-

¹⁴ Еманов А. Г. Указ. соч. С. 16.

¹⁵ См.: Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь, 2008. С. 498–509; Белавин А. М. Торговые фактории Пермского края и Зауралья в эпоху позднего средневековья. В печати.

¹⁶ История Ямала. Т. 1, кн. 2: Российская колонизация. Екатеринбург, 2010. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 29.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Федорова Н. В. Указ. соч. С. 91–101.

¹⁹ Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Нью-Йорк, 1993. С. 17, 18.

²⁰ Вопрос о местонахождении этой страны до сих пор дискуссионный, как и Югры русских летописей, Юры арабоязычных источников. Главные трудности для исследователя, пытающегося определить их точную локализацию, заключаются в необходимости учитывать и совмещать: а) средневековый менталитет, для которого естественно сведение в одну картину книжных стереотипов, религиозно-мифологических сюжетов и реальных свидетельств, вкупе с представлениями о пространстве ойкумены и времени, потребном для достижения ее крайних точек; б) археологические данные, подтверждающие или опровергающие ту или иную гипотезу; в) практику наименования «новооткрытых» стран по имени уже известному (так было с названием Сибирь, когда продвигающиеся к востоку русские отряды все далее отодвигали пределы Сибири, вплоть до побережья Тихого океана). Примем за точку отсчета мнение Г. В. Глазыриной: «Бьярмаланд — крайняя земля. Возможно, название Бьярмаланд передавало представления о пределах населенной земли — крайняя земля, находящаяся на границе с миром легендарным. Не случайно именно так и описывает этот регион автор одного из географических трактатов — Гриплы: «От Бьярмаланда лежит незаселенная (земля)» (Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты, перевод, комментарий. М., 1996. С. 43).

²¹ См.: Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 99.

ки), где встречались представители различных «торгующих сторон» и где действовали определенные законы, запрещающие, например, всякую военную активность. В сагах викингов говорится: «Когда они приплыли в Бьярмаланд, то остановились они в торговом месте... Когда закончилась торговля... было объявлено, что мир с местными жителями окончен». ²² Представляется совершенно очевидным, что подобные торжища должны были быть всюду, где велась торговля, в том числе на северо-востоке Европы и в Зауралье.

В-третьих, в сведениях русских летописей и скандинавских саг биармийского цикла четко фиксируются две группы людей, активно осваивающих северные богатства — «официальные» дружины (например, дружина во главе с новгородским воеводой Ядреем, ходившая «в Югру» в 1193 г.) или посланцы (например, представители конунга Олава братья Карли и Гунстейн) и «неофициальные» лица, по-видимому, давно и успешно проводившие свои операции в северных странах. Так, в сюжете о походе воеводы Ядрея упоминаются некто Савка и его товарищи, действующие в союзе с Югрой против дружины новгородцев, ²³ а в саге о походе в Биармию братьев Карли и Гунстейна возникает некто Торир Собака, прекрасно ориентирующийся в тонкостях местных (биармийских) культов, в расположении святилищ и в том, как их можно разграбить после окончания торговли и мира. ²⁴ Подробные и точные знания этих «неофициальных» лиц свидетельствуют о том, что северные пути им были давно и хорошо знакомы и что с местным населением они имели достаточно плодотворные контакты.

Археологические источники, которые могут быть использованы для изучения этой проблемы, включают несколько групп вещей. Первая группа — артефакты западносибирского происхождения (преимущественно бронзовое литье, типичное для западносибирского средневековья), обнаруженные в комплексах памятников за пределами Западной Сибири, в частности в зоне функционирования Северного широтного хода. Они известны на таких памятниках, как городище на реке Гнилка (низовья Печоры), ²⁵ приморское

Ортинское городище, ²⁶ памятник на острове Вайгач, ²⁷ Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место. ²⁸ Там же, кстати, фиксируется и керамика западносибирского облика, которую А. М. Мурыгин связывает с «расширением ареала средневековых нижеобских культур далеко на запад, в запечорские тундры», или с влиянием «населения Нижнего Приобья на обитателей Печорской субарктики». ²⁹ Эти артефакты довольно точно маркируют северную часть торговых путей, рассматриваемых в рамках функционирования Северного широтного хода, указывая на присутствие западносибирских представителей в зоне его действия.

Еще одним районом бытования западносибирских артефактов является северное Предуралье (в пределах территории бывшего Пермского края). Там ситуация несколько сложнее. Западносибирские бронзовые изделия зафиксированы в материалах Огурдинского, Рождественского, Редикарского и Агафоновского могильников. ³⁰ Причем нужно отметить, что это в основном вещи статусного мужского набора, чаще всего пряжки с изображением медведя в так называемой культовой позе. Их наличие в погребальных комплексах показывает своеобразное применение западносибирских предметов носителями предуральских культур средневековья. В последнее время абсолютно правомерно высказывается мнение о том, что некоторые памятники археологии Пермского Предуралья являются крупными торговыми факториями со смешанным населением. ³¹ Вполне возможно рассматривать, в частности, Рождественский археологический комплекс, не только как «важный пункт международной транзитной, т. е. “восточной” торговли на Камском торговом пути», ³² но и как пункт на одном из ответвлений Северного широтного хода, что справедливо и для всей территории северного Предуралья.

Вторая группа вещей — импортные изделия (украшения и принадлежности костюма, а также сосуды из серебра, бронзы и меди), найденные в культурном слое археологиче-

²² Глазырина Г. В. Указ. соч. С. 204.

²³ См.: Дмитриев А. А. Пермская старина: сб. ст. и материалов о Пермском крае. Пермь, 1893. Вып. 5. С. 49–50.

²⁴ См.: Глазырина Г. В. Указ. соч. С. 204.

²⁵ См.: Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 69, рис. 8, с. 71, рис. 11.

²⁶ Там же. С. 95, рис. 33.

²⁷ См.: Хлобыстин Л. П. Святилища Вайгача // AD POLUS. Памяти Л. П. Хлобыстина. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993. С. 17, рис. 1–19, 23, 24, 31.

²⁸ См.: Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992. С. 41, рис. 18, 3, 8.

²⁹ Там же. С. 167.

³⁰ См.: Белавин А. М. Камский торговый путь. С. 165, рис. 97.

³¹ См.: Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Указ. соч. С. 499; Белавин А. М. Торговые фактории.

³² Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Указ. соч. С. 507.

ских памятников, в составе кладов и случайных находок на территории северо-запада Западной Сибири. Они являются яркими и бесспорными свидетельствами международной торговли, в которой участвовал и «западносибирский» регион.³³ Спектр этих артефактов очень широк — от иранских, византийских и западноевропейских сосудов высокого класса до массовых украшений из серебра, произведенных болгарскими мастерами, возможно, уже на территории Пермского Предуралья.

Категория предметов роскоши представлена практически исключительно серебряной посудой, диапазон мест изготовления которой достаточно широк. Тем не менее, материал поддается некоторой классификации. Так, иранское и среднеазиатское серебро (блюда, бутылки, подносы, фрагменты ларцов) датируется VIII–IX вв. и X–XI вв.; места находок сосредоточены в бассейнах рек Сыни и Северной Сосьвы, т. е. по рекам, текущим с Приполярного и Полярного Урала.³⁴ Незначительное количество изделий обнаружено за пределами этого узкого региона — на озере Шурышкарский сор и на Барсовой Горе близ Сургута. Византийские чаши в количестве пяти экземпляров³⁵ найдены в северном Приобье, одна из них — в комплексе с четырьмя западноевропейскими сосудами — в поселке Лопхари (на западе современного ЯНАО). Кроме этих западноевропейских сосудов, из Нижнего Приобья «без точной локализации мест находки» происходят еще три, практически аналогичных лопхаринским.³⁶ Примечательно замечание М. Крыжановской в публикации, посвященной этим находкам: «Такая техника (речь идет об орнаментации одного из сосудов — Н. Ф.) не встречается в ювелирном искусстве основных школ Западной Европы, и ее присутствие на всех памятниках, связанных с торговыми путями “Северная Европа — Сибирь” (курсив мой — Н. Ф.), говорит о том, что они сделаны были где-то в одном месте».³⁷

³³ В данном случае понятие «Западная Сибирь» является неоправданным расширением региона функционирования Северного широтного хода и вообще наличия торговых связей с западными — от Урала — регионами. Восточнее и южнее Сургутского Приобья средневековые импортные находки единичны. (См.: Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск, 2007)

³⁴ См.: Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья: каталог выставки / текст Н. В. Федоровой. Салехард; СПб., 2003. С. 14.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ Сокровища Приобья: каталог выставки / ред. Б. И. Маршак, М. Г. Крамаровский. СПб., 1996. С. 165–197.

К сожалению, почти все иранские и среднеазиатские сосуды, а также византийские и западноевропейские чаши, за исключением лопхаринских, происходят из «случайных находок», многие из которых относятся к концу XIX — началу XX в. Лопхаринский комплекс, хотя и был обнаружен также вне археологического контекста, тем не менее, дает возможность сделать некоторые выводы, вдобавок к тому, который был предложен М. Крыжановской. Обилие роскошных предметов, сконцентрированных в одном месте, во-первых, наводит на мысль о доставке их морским путем, во-вторых, заставляет вспомнить заключение В. П. Даркевича о том, что предметы роскоши, к которым в первую очередь относится драгоценная посуда, служили, в частности, и посольскими дарами.³⁸ Вполне вероятно, что лопхаринский комплекс представляет собой такой дипломатический дар, предназначенный местной элите.

Локализация мест обнаружения серебряной импортной посуды, в общем, совпадает с территориями обских средневековых княжеств — Кодского (Северная Сосьва, район Березова), Бардакова (Сургутский район), Куноватского (бассейн Куновата, в том числе место расположения поселка Лопхари) — и отдельных городков (Лор-Вож на берегу озера Шурышкарский Сор).

«Массовый набор», который в основном датирован XII–XIV вв., возможно самым началом XV в., состоял из различных височных подвесок со скано-зерневым декором, из серебряных бус, браслетов, очелий и т. д. Все эти предметы встречаются как среди случайных находок, так и в составе кладов и погребального инвентаря.³⁹ В меньшей степени среди «массового набора» известны бусы из стекла и фаянса, что вообще характерно для северных западносибирских комплексов эпохи средневековья и вплоть до нового времени.⁴⁰ Еще одним «массовым» товаром являлись медные котлы.

Происхождение категории «массовых» артефактов связано с деятельностью предуральских центров, где работали, в частности, и мастера из

³⁸ См.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока... С. 143.

³⁹ См.: Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994. С. 106–119; Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 71–148; Комова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры: каталог. Екатеринбург, 2012.

⁴⁰ См.: Мурашко О. А., Кренке Н. А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке: По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. М., 2001. С. 63.

Волжской Болгарии, которые «спасались там от монгольского разорения».⁴¹ Известно, что именно пермские (чулымские) торговцы были основными посредниками в сухопутной торговле по обе стороны Уральского хребта, именно через них попадала в Западную Сибирь большая часть импортных товаров, в том числе и из стран Ближнего Востока.

По-видимому, к массовому импорту следует отнести и завоз железного оружия, о чем упоминают арабоязычные писатели и путешественники: «...мечи привозят из стран ислама...».⁴² Однако железо далеко не всегда сохраняется в культурном слое памятников. То же самое можно сказать о шерстяных и шелковых тканях: известен лишь фрагмент шерстяного ковра, обнаруженный в одном из погребений Сайгатинского 3 могильника в Сургутском Приобье.

Анализ импортных вещей, поступивших на север Западной Сибири, показывает, что периоды функционирования разных участков Северного широтного пути различны: его самая северная часть, в том числе морская, по-видимому, была почти заброшена около XIII–XIV вв. (возможно, сказались перемены климата в сторону похолодания), зато с этого времени особенно интенсивно действует сухопутный путь через Уральский хребет. Именно с XIII в. и по начало XVI в. наполнение западносибирских комплексов импортными товарами становится особенно заметным.

Клады в прямом смысле этого слова, т. е. специально упакованные и зарытые в землю сокровища, на севере Западной Сибири появляются не ранее начала XI в. Известно пока единственное исключение, правда обнаруженное к югу от рассматриваемой территории (в районе Тобольска), — это Истяцкий клад, датированный временем около рубежа эр и являющийся, скорее всего, зарытой военной добычей. Все остальные так называемые клады имеют другое происхождение: например, это могут быть сакральные дары на месте действующего или заброшенного святилища или инвентарь заместительных захоронений. К такому типу относятся Мурлинский клад,⁴³

Холмогорский клад⁴⁴ и другие им подобные коллекции.

Внимательное изучение кладов начала XI в., в составе которых имеются вещи как «дальнего» импорта, так и изготовленные в Предуралье, количества этих вещей, относительной стандартности упаковки захороненных артефактов позволяет поставить вопрос о различном происхождении этих кладов. Некоторые из них, скорее всего, являютсякладами купцов, путешествовавших по торговым путям с запада на восток в зоне действия Северного широтного хода. Так, на реке Сыня было обнаружено несколько кладов, общими чертами которых были, во-первых, упаковка в медный (железный) котел разнообразных серебряных вещей — посуды и украшений, во-вторых, — нахождение их на берегу или вблизи берега реки.⁴⁵

Такие «купеческие» клады маркируют пути продвижения торговцев с запада Уральских гор на восток, в Приобье, по рекам Сыне и Северной Сосьве. Множество кладов примерно с таким же составом (обязательно присутствует 5–7 серебряных сосудов (иранских, византийских согдийских), несколько шейных серебряных витых гривен, а также монетное серебро) известно и в Предуралье, т. е. на территории современного Пермского края.⁴⁶ В то же время в Коми крае подобные клады не обнаружены, хотя характер наполнения «булгарскими» украшениями погребальных комплексов XI–XIV вв., обнаруженных на его территории практически не отличается от коллекций могильников Сургутского Приобья.⁴⁷

Выделяется группа кладов и отдельных вещей, которые, скорее всего, являются сокровищами, оставленными на святилище. Как правило, они располагаются сразу под дерном. Таков клад серебряной посуды золотоордынского времени из урочища Сайгатино в Сургутском районе.⁴⁸

⁴⁴ См.: Зыков А. П., Федорова Н. В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001. С. 56–59.

⁴⁵ Для примера: в составе одного из них, упакованного в медный котел, было: 32 серебряные гривны (шейное украшение), 30 пар височных подвесок в виде крупной грозди, 10 калачевидных височных подвесок, 5 крупных круглых блях, серебряное ведро, блюдо и котелок, произведенные в Согде, 2 иранские чаши, блюдо, изготовленное в каком-то поволжском центре, возможно в Волжской Болгарии.

⁴⁶ См.: Даркевич В. П. Художественный металл Востока... С. 8–40; Белавин А. М. Камский торговый путь. С. 185–187.

⁴⁷ См.: Савельева Э. А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. С. 120, 121.

⁴⁸ См.: Угорское наследие. С. 124, 125.

⁴¹ Белавин А. М. Камский торговый путь. С. 186.

⁴² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153) / публ. О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М., 1971. С. 34.

⁴³ См.: Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. М., 1953. № 35. С. 151–155; Ширин Ю. В. Мурлинский клад — состав находок и их аналогии // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. С. 95–110.

Следующая группа кладов по своему составу и способу захоронения производит впечатление личных сокровищ. Таков, например, клад, найденный в 1976 г. на Барсовой Горе (район Сургута): в медный котелок, прикрытый вместо крышки, бронзовой иранской чашей, некто сложил набор личных украшений, причем некоторые из них, а именно круглые бронзовые бляшки местного, западносибирского, производства, явно в спешке отрывались от кожаной основы, на которую они были нашиты (фрагменты этой основы сохранились);⁴⁹ вещи были аккуратно пересыпаны древесной трухой, переложены берестой. Там же, на Барсовой Горе, еще в 1975 г. был найден такой же по характеру — «личный» — клад: массивные серебряные украшения, очевидно принадлежавшие одному человеку, были упакованы в серебряную же чашу с крышкой византийского производства; украшения были пересыпаны древесной трухой, а чаша обернута листом бересты.⁵⁰

Наконец, выделяется группа кладов, более всего напоминающих «грабительские захоронки». Их прятали в таких местах, где вряд ли вообще возможно было расположение поселений или святилищ: на болотистых пойменных островах,⁵¹ в предгорной тундре.⁵² Общим для их состава является обилие мелких украшений и принадлежностей костюма, иногда (например, клад с острова Новенький на р. Обь) наличие разновременных вещей в одном комплексе. Особенности состава и мест захоронения кладов заставляют предположить, что они сформировались в результате ограбления кочевниками тундры кладбищ или святилищ, расположенных в северотаежной зоне.

До сих пор речь шла о статьях ввоза на территорию севера Западной Сибири импортных товаров. Вывозили же отсюда главным образом драгоценные сибирские меха: «высшее место здесь занимал мех соболя, особенно черный с блестящим отливом, сравнимый по

гладкости и нежности с шелком, а также песка, “полярной лисицы”, белоснежный или еще более редкий — с голубоватым оттенком. Это был самый дорогой мех, ценившийся порой выше золота. Некоторые шкурки-одинцы с хвостами и лапками, с позолоченными и унизанными жемчугом коготками составляли целое состояние. Такой мех подобал только коронованным особам и высшим иерархам».⁵³ Кроме того, вывозили и другие меха: черных и красных лис, горностаев, бобров. У последних ценилась также «бобровая струя» — секрет внутренних желез, использовавшийся в медицине.

Немаловажной статьей экспорта были шкуры (или ремни из них) и бивни моржа, мамонтовые бивни (в источниках их часто называют слоновою костью), а также ловчие птицы. Как отмечает Н. И. Кутепов, лучших соколов для охоты добывали в горах Полярного и Приполярного Урала.⁵⁴ Они высоко ценились при дворе русского великого князя и других европейских государей, их вывозили из Новгорода иностранные купцы, несмотря на трудности транспортировки.⁵⁵ Отмечу, что вряд ли полярных соколов отлавливали сами новгородцы: у западносибирских народов традиция приручения и содержания в неволе дневных хищников прослеживается с эпохи раннего железа.⁵⁶

Изменения в экономике и культуре населения севера Западной Сибири как результат функционирования Северного широтного хода также относятся к началу XI в. О некоторых из них, в частности, связанных с притоком массовых изделий (украшений и принадлежностей костюма, медных котлов) из Предуралья, нам уже доводилось писать.⁵⁷

К. Г. Карачаров высказывал мысль о переориентации в это время хозяйства на более продуктивное, охотничье-промысловое, с пушным направлением. Археологические памятники северотаежной зоны, к сожалению, не дают прямых свидетельств, подтверждаю-

⁴⁹ Еманов А. Г. Указ. соч. С. 21.

⁵⁰ См.: Кутепов Н. И. Великокняжеская и царская охота на Руси. СПб., 1896.

⁵¹ См.: Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV вв. М., 1963. С. 158.

⁵² См.: Федорова Н. В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольным (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 171.

⁵³ См.: Федорова Н. В. Север Западной Сибири в XIII — начале XIV вв.: столетие перемен // Науч. вест. ЯНАО. Вып. № 1 (70): материалы науч.-практ. конф. «Ямальские гуманитарные чтения». Салехард, 2011. С. 69–72; Она же. Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2012. № 4 (37). С. 103.

⁴⁹ См.: Федорова Н. В. Новый клад эпохи средневековья с Барсовой Горы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 148–152; Чемякин Ю. П., Зыков А. П. Барсова Гора. Археологическая карта. Сургут; Омск, 2004. С. 161.

⁵⁰ Федорова Н. В. Два серебряных сосуда из района г. Сургута // СА. 1982. № 1. С. 183–194.

⁵¹ Федорова Н. В., Сотруева Е. И. Клад с острова Новенький // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. Екатеринбург, 2010. Вып. 2. С. 44–61.

⁵² Макаров Н. А., Чеснокова Н. Н. Лонготь-еганский клад XII–XIII вв. (Полярный Урал) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Сыктывкар, 1994. Т. 3. С. 24–28.

щих это; вывод делается на основе источников косвенных, т. е. на основе обилия предметов импорта. Зато прямые указания на пушную охоту, имеющую товарный характер, находим в материале памятников ямальской тундры. Так, анализ большого количества костей песка на поселении Тиутей-Сале 1 в слоях XII–XIV вв. привел П. А. Косинцева к выводу о том, что, «без сомнения, почти все кости первоначально были выброшены в виде тушек. Раскопом было вскрыто место, куда выбрасывались тушки после снятия шкурок».⁵⁸ Относительно много костей песка обнаружено в слое поселения Тиутей-Сале 3 (Дюнная стоянка, по В. Н. Чернецову). Такая же картина зафиксирована при исследовании городища Бухта Находка XII–XIV вв.⁵⁹ Необходимо отметить, что такое большое, «товарное», количество останков песка характерно только для памятников зоны тундры, расположенных на побережье Карского моря (Тиутей-Сале 1 и 3) или Обской губы (городище Бухта Находка). В материале памятников внутренних тундр Ямала, а также лесотундровой и северотаежной зон костей пушных зверей вообще обнаружено значительно меньше.

Пушная охота была не единственной отраслью местной экономики, которая претерпела значительные изменения к началу XI в. Фиксируются перемены и в других отраслях, связанных как с внешней торговлей, так и, по-видимому, с развитием внутреннего, регионального обмена. Товарное производство изделий из оленьих шкур, в частности ремней, обнаружено на городище Ярте VI (XI–XII вв.): найденные здесь скребки для обработки шкур составляют наиболее массовую часть инвентаря, а среди них первые по численности — скребки из лопаток оленя для выделки ремней.⁶⁰ Нигде более такая картина не зафиксирована. Для сравнения укажем, что в комплексе городища Бухта Находка найдено 32 таких скребка,⁶¹ а на Ярте VI неполная коллекция таких скребков насчитывает свыше 200 экземпляров.⁶²

К предметам, служившим, скорее всего, объектом обмена внутри региона, относятся изделия из дерева, такие как посуда, лодки, весла и прочий габаритный инвентарь. Свидетельства их использования в зоне безлесной тундры есть. Так, в комплексе городища Ярте VI обнаружена прекрасно выполненная деревянная чаша, вероятнее всего, из лиственницы или из дерева иной хвойной породы. Там же найдена чаша из березового капа.⁶³ Предстоит еще разобраться с тем, где изготавливали деревянные гребни с резными спинками. Так, два практически одинаковых гребня обнаружено в комплексе городища Ярте VI⁶⁴ и городища Бухта Находка.⁶⁵

При раскопках постройки 10 на Войкарском городке найдены остатки деревообрабатывающей мастерской, датированной по методу дендрохронологии началом XIV в. (заключение М. Гурской). Ассортимент изделий, обнаруженных в этой постройке, включал деревянные блюда, корытообразные сосуды и многое другое.⁶⁶ Огромное количество отходов деревообработки, изделий из дерева и их фрагментов; небрежение к оборонительным сооружениям, заметное с конца XVII в.; наконец, расположение Войкарского городка на удобном для торговли месте (к нему можно легко подойти со всех сторон) — все это свидетельствует о том, что главным занятием населения было ремесло, направленное на нужды торговли.

Не менее важные изменения произошли в области культуры, о чем свидетельствует появление новых, ранее неизвестных (или почти неизвестных) сюжетов в статусном искусстве (всадник с ловчей птицей, «солнце» и «месяц», фантастические звери, например, напоминающие льва хищники, грифоны). Это говорит о том, что, с одной стороны, представители местной фауны, которые главным образом изображались на предметах статусного искусства, перестали отвечать требованиям дня; с другой — что контакты с иными цивилизациями не ограничивались меновой торговлей, но подразумевали и обмен какими-то знаниями, мифологическими/религиозными сюжетами, что позволяло идентифицировать, казалось бы, чуждые образы как отражение своих новых реалий.

⁵⁸ См.: Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998. С. 41, 54.

⁵⁹ См.: Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г. П. Визгалов, О. В. Кардаш, П. А. Косинцев, Т. В. Лобанова. Екатеринбург, 2013. С. 239.

⁶⁰ См.: Плеханов А. В. Ярте VI — средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал): каталог коллекции. Екатеринбург, 2014. С. 49.

⁶¹ См.: Кардаш О. В. Городок сихиртя в Бухте Находка. Екатеринбург, 2011. С. 30.

⁶² См.: Плеханов А. В. Указ. соч. С. 49.

⁶³ Там же. С. 66, 67.

⁶⁴ Там же. С. 73.

⁶⁵ См.: Кардаш О. В. Указ. соч. С. 26, рис. 32, 7.

⁶⁶ См.: Войкарский Городок: буклет. Салехард, б.г. С. 15.

Северный широтный ход в расширенном понимании этого явления, т. е. рассматриваемый как система морских и сухопутных путей, активно функционировал с IX в. вплоть до присоединения территорий северо-востока Европы и Западной Сибири к России. Его значение было крайне важным как для народов Севера, так и для государств Европы и Азии. Северная торговля с одной стороны, привела к частичной смене ценностей в мире средневековых цивилизаций, с другой — способствовала преодолению относительной изоляции культур и народов северо-востока Европы и Западной Сибири.

Для севера Западной Сибири участие в торговле, осуществляемой по Северному широтному ходу, означало появление многих нов-

шеств в экономике и культуре. В экономике фиксируется становление специфических отраслей, рассчитанных на обмен/торговлю: товарного пушного промысла, товарного производства ремней из оленьих шкур, ремесленного изготовления изделий из дерева. Именно в это время завершается становление кочевого (крупностадного) оленеводства. В культуре и общественном устройстве также заметны новые явления, отражением чего стало искусство создания нового статусного набора украшений и принадлежностей костюма. Некоторые элементы этого искусства являются следствием гораздо более тесных контактов с представителями иных цивилизаций, чем это предполагалось до настоящего времени.

Natalia V. Fedorova

Candidate of Historical Sciences, Scientific Research Center of the Arctic (Russia, Salekhard)

E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

NORTHERN LATITUDINAL ROAD IN THE 11th–15th CENTURIES:
PROBLEM FORMULATION

The article provides arguments for the formulation of the problem of the development and functioning of the Northern Latitudinal Road as the system of trade communications across the northern regions of Eastern Europe and Western Siberia, assessment of its influence on the West-Siberian population's culture in the 11th–15th centuries. The article describes the history of the medieval trade routes study and identifies written sources which give reason to suggest the existence of the land and sea communications along the Northern Latitudinal Road, and the functioning in that area of the dedicated trading places. The areas of occurrence of West Siberian artifacts in the north-east of Europe are noted, which confirms the presence in those territories of groups of population from the Lower Ob region. Various categories of imported goods are analyzed, the details of west Siberian 11th–15th century hoards are described; and new phenomena in culture and economics are studied. On the basis of the study a conclusion is made about the partial substitution of values in the world of the Middle Age civilizations under the effect of trading with the North, as well as about overcoming the relative isolation of the cultures and the peoples of the north of Western Siberia and the north-east of Europe.

Key words: *Northern latitudinal, Western Siberia, north-east of Europe, trade, treasure, innovation in the economy*

REFERENCES

- Belavin A. M. *Kamskiy trgovyy put. Srednevekovoe Predurale v ego ekonomicheskikh i etnokulturnykh svyazyakh* [Kamsky trade route. Medieval Urals in its economic and ethno-cultural relations]. Perm: PGPU Publ., 2000, 195 p. (in Russ.).
- Belavin A. M., Krylasova N. B. *Drevnyaya Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk* [Ancient Afkula: archaeological complex near the village of Rozhdestvensk]. Perm: PGPU Publ., 2008, 600 p. (in Russ.).
- Chemyakin Yu. P., Zikov A. P. *Barsova Gora. Arkheologicheskaya karta* [Barsova Gora. Archaeological map]. Surgut; Omsk: "Omskiy dom pečati", 2004, 207 p. (in Russ.).
- Chernetsov V. N. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priobya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: Nauka Publ., 1953, № 35, pp. 121–178. (in Russ.).
- Darkevich V. P. *Argonavy srednevekovya* [Argonauts of the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 199 p. (in Russ.).
- Darkevich V. P. *Khudozhestvennyy metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vostochnoy toreutiki na territorii Yevropeyskoy chasti SSSR i Zauralya* [Art metal East VIII–XIII centuries. Works eastern toreutics in the European part of the USSR and Trans]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 196 p. (in Russ.).
- Emanov A. G. *Sever i Yug v istorii kommersii: na materialakh Kafy XIII–XV vv.* [North and South in the history of commerce: on materials of Kaffa XIII–XV centuries]. Tyumen: MI "RUTRA" Publ., 1995, 225 p. (in Russ.).

- Fedorova N. V. *Arkheologiya Arktiki* [Archaeology Arctic]. Ekaterinburg: Delovaya pressa Publ., 2014, Issue 2, pp. 162–174. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia), 2002, № 4(12), pp. 91–101. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Nauchnye vestnik YaNAO. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yamalskie humanitarnye chteniya»* [Scientific herald YANAO. Proceedings of the conference “The Yamal humanitarian reading”]. Salekhard: “Krasnyy Sever” Publ., 2011, Issue 1 (70), pp. 69–72. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza* [Problems of the West Siberian archeology. Iron Age]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1981, pp. 148–152. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Sovetskaya arkheologiya* (Soviet archaeology), 1982, № 1, pp. 183–194. (in Russ.).
- Fedorova N. V. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2012, № 4 (37), pp. 98–105. (in Russ.).
- Fedorova N. V., Sotruueva E. I. *Istoriya Yamala: vzglyad iz muzeynykh khranilishch* [Yamal history: a view from the museum's storage]. Ekaterinburg, 2010, Issue 2, pp. 44–61. (in Russ.).
- Istoriya Yamala* [Yamal history]. Ekaterinburg: Basko Publ., 2010, Vol. 1, Book 2, 323 p. (in Russ.).
- Kardash O. V. *Gorodok sikhirtya v Bukhte Nakhodka* [Sihirtya town in the Bukhta Nakhodka]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2011, 57 p. (in Russ.).
- Khlobystin L. P. *AD POLUS. Arkheologicheskie izyskaniya* [AD POLUS. Archaeological research]. St. Petersburg: “FARN”, 1993, pp. 15–18. (in Russ.).
- Khoroshkevich A. L. *Torgovlya Velikogo Novgoroda v XIV–XV vv.* [Trade Veliky Novgorod in XIV–XV centuries]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963, 365 p. (in Russ.).
- Konikov B. A. *Omskoe Priirtyshe v rannem i razvitom Srednevekovye* [Omsk Irtysh region in the Early and Middle Ages]. Omsk: OmGPU, Nauka Publ., 2007, 465 p. (in Russ.).
- Kozyreva N. V. *Voprosy drevney istorii* (Questions ancient history), 2011, № 3, pp. 3–29. (in Russ.).
- Lukonin V. G. *Drevniy i rannesrednevekovyy Iran* [Ancient and medieval Iran]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1987, 295 p. (in Russ.).
- Makarov N. A., Chesnokova N. N. *Dukhovnaya kultura: problemy i tendentsii razvitiya* [Spiritual Culture: problems and trends]. Syktyvkar, 1994, Vol. 3, pp. 24–28. (in Russ.).
- Murashko O. A., Krenke N. A. *Kultura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke. Po arkheologo-etnograficheskim kollektiyam Muzeya antropologii MGU* [Aboriginal culture Obdorsk North in the XIX century. According to archaeological and ethnographic collections of the Museum of Anthropology, Moscow State University]. Moscow: Nauka Publ., 2001, 154 p. (in Russ.).
- Murygin A. M. *Pechorskoe Priurale: epokha srednevekoviya* [Pechora Urals: the era of the Middle Ages]. Moscow: Nauka Publ., 1992, 181 p. (in Russ.).
- Ocherki istorii Yugry* [Essays on the History of Ugra]. Ekaterinburg: Volot Publ., 2000, 408 p. (in Russ.).
- Pliguzov A. *Tekst-kentavr o sibirskikh samoedakh* [Text centaur about Siberian Samoyeds]. Moscow; Newton Ville: Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1993, 157 p. (in Russ.).
- Put iz Bulgara v Kiev* [The path of the Bulgar to Kiev]. Kazan: IYaLI Publ., 1992, 133 p. (in Russ.).
- Saveleva E. A. *Vymskie mogilniki XI–XIV vv.* [Vymsky burial XI–XIV centuries]. Leningrad: LGU Publ., 1987, 200 p. (in Russ.).
- Shirin Yu. V. *Khanty-Mansiyskiy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansiysk region in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: TomGU Publ., 2014, pp. 95–110. (in Russ.).
- Ugorskoe nasledie: Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Uralskogo universiteta* [Ugric Heritage: Antiquities Western Siberia from the collections of Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat Publ., 1994, 159 p. (in Russ.).
- Ushedshie v kholmy. Kultura naseleniya poberezhny severo-zapadnogo Yamala v zheleznom veke* [Gone into the hills. Culture of the population coast of northwestern Yamal in the Iron Age]. Ekaterinburg: Ekaterinburg Publ., 1998, 131 p. (in Russ.).
- Vizgalov G. P., Kardash O. V., Kosintsev P. A., Lobanova T. V. *Istoricheskaya ekologiya naseleniya severa Zapadnoy Sibiri* [Historical ecology of the population of the north of Western Siberia]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2013, 374 p. (in Russ.).
- Yasinski M. E., Ovsyannikov O. V. *Pustozersk. Russkiy gorod v Arktike* [Pustozersk. Russian city in the Arctic]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003, 399 p. (in Russ.).
- Zelenyy Yar: arkheologicheskiy kompleks epokhi srednevekoviya v Severnom Priobe* [Zelenyy Yar: the archaeological complex of the Middle Ages in the Northern Ob]. Ekaterinburg; Salekhard: UrO RAN Publ., 2005, 367 p. (in Russ.).
- Zykov A. P., Fedorova N. V. *Kholmogorskiy klad. Kolleksiya drevnostey III–IV vv. iz sobraniya Surgutskogo khudozhestvennogo muzeya* [Kholmogorsky treasure. Collection of antiquities III–IV centuries from the collection of the Surgut Art Museum]. Ekaterinburg: Sokrat Publ., 2001, 175 p. (in Russ.).